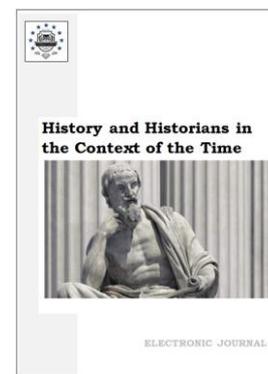

Copyright © 2023 by Cherkas Global University

Published in the USA
History and Historians in the Context of the Time
Has been issued since 1992.
E-ISSN: 2310-6239
2023. 32(1): 3-21

DOI: 10.13187/hhct.2023.1.3
<https://hhct.cherkasgu.press>

Articles

Teaching Methods based on Religion: to the Question of Teaching the Law of God in the Russian Empire

Artyom Yu. Peretyatko ^{a, *}

^a Cherkas Global University, Washington, USA

Abstract

The article is devoted to the analysis of specific religious pedagogy that arose in connection with the teaching of the Law of God in the Russian Empire. The author comes to the conclusion that this religious pedagogy was distinguished from secular pedagogy by a number of features, first of all:

a) The authors of the programs and methodologists appealed not to scientific, but to transcendental factors: references to the Holy Scriptures or the decisions of ecumenical councils act as evidence of the correctness of this or that thesis;

b) The training was not aimed at education, or even at upbringing, but at missionary activity, at the formation of an Orthodox Christian.

These features were not external, but essential: they posed tasks to the law teacher that, in principle, did not relate to the sphere of secular pedagogy. Thus, it was assumed that the law teacher would develop/transform the student's personality in such a way that the Orthodox faith would become for him a natural and organic expression of inner life (i.e., it would be considered by the student himself not as an external model, but as a reflection of his own spiritual motives and desires). However, the authors of programs and textbooks, formulating such tasks before the law teacher, did not offer specific methods for their solution. The methodological recommendations were mainly reduced to the fact that the lesson can take the form of a "pastoral conversation", the teacher leading the Law of God, first of all, needs to believe himself, etc. As a result, by the beginning of the XX century, the teaching of the Law of God was mostly conducted archaically, and even the law teachers themselves in some cases advocated "the convergence of spiritual education and upbringing with the general humanitarian educational paradigm".

Keywords: history of pedagogy, teaching methods, historical pedagogical views, the Law of God, Orthodoxy, religious values.

1. Введение

В Российской империи/СССР/Российской Федерации проблема преподавания в школе дисциплин, связанных с православием, была и остается, с одной стороны, политизированной, а, с другой стороны, крайне дискуссионной. Один из важнейших нарративов сталинской эпохи, роман «Как закалялась сталь» Н.А. Островского

---

* Corresponding author
E-mail addresses: artperetatko@yandex.ru (A.Yu. Peretyatko)

(автобиографическая история комсомольца, фактически пожертвовавшего здоровьем ради борьбы за грядущее освобождение человечества), начинается как раз со сцены на уроке Закона Божьего, заканчивающейся таким эпизодом:

«Павка поднял руку и, получив разрешение говорить, встал:

- Батюшка, а почему учитель в старшем классе говорит, что земля миллион лет стоит, а не как в законе божием - пять тыс... - и сразу осел от визгливого крика отца Василия:

- Что ты сказал, мерзавец? Вот ты как учишь слово божие!

Не успел Павка и пикнуть, как поп схватил его за оба уха и начал долбить головой об стенку. Через минуту, избитого и перепуганного, его выбросили в коридор» (Островский, 1982: 7).

Уже в наше время, в 2020 г., в «Трудах Белгородской духовной семинарии» иерей Е.В. Караваев опубликовал статью «Церковь и образование: из опыта преподавания курса “Основы православной культуры” в школах Российской Федерации» в которой, напротив, совершенно прямо и недвусмысленно заявил следующее: «“Основы православной культуры” – это нравственность. <...>. Нравственность, которая заложена в Православии – самая высокая и правильная. Таких глубоких смыслов нет ни у одной религии» (Караваев, 2020: 129). Разумеется, ни писателя сталинских лет, ни современного священника нельзя считать незаинтересованными лицами в спорах о православии в школах, но эти цитаты хорошо демонстрируют широчайший разброс мнений, высказывавшихся в этих спорах, причем разброс не только фактический, но и эмоциональный: от описаний издевательств священников над детьми-атеистами, до утверждений, что подлинная нравственность достижима только через православие.

Особенно остро дискуссия о православии в школах шла в 2000 гг., когда только стоял вопрос о включении курса «Основы православной культуры» в российскую обязательную образовательную программу. В 2006 г. в авторитетном российском журнале «Вопросы образования» была опубликована статья «“Основы православной культуры” в российской светской школе: социально-правовой анализ» С.А. Мозгового (Мозговой, 2006: 274-294). Автор подчеркивал, что против введения в школах специфически-православного предмета выступал целый ряд национальных и религиозных организаций (например, Всемирный конгресс татар и Конгресс еврейских религиозных организаций и объединений России), а Конгресс религиозных объединений Тюменской области заявил, что «в школе недопустимо религиозное или атеистическое воспитание в любых формах» (Мозговой, 2006: 280-281). Что касается светских организаций протестовавших против специфически-православного предмета в школах, то их С.А. Мозговой называл еще больше: организация «Учителя за свободу убеждений», научно-методический центр «Гуманист», Институт свободы совести и т. д. (Мозговой, 2006: 292). Для нас особенно любопытно наблюдение С.А. Мозгового о том, что сторонники преподавания «Основ православной культуры» пытались «закамуфлировать явно религиозный курс под якобы культурологический», формально задекларировав целью курса изучение «истории и культуры традиционных религий», но фактически ориентировав его не на религиозоведческую функцию (научное изучение религии), но на функцию миссионерскую (формирование у детей православной идентичности) (Мозговой, 2006: 289-290). Однако, несмотря на подобные интересные наблюдения, статья С.А. Мозгового далеко не объективна и содержит ряд спорных утверждений: самым очевидным примером этого может служить утверждение о том, будто бы «православных верующих в России не более 3%», не подкрепленное никакими источниками (Мозговой, 2006: 284). Поэтому предсказуемо, что в итоге исследователь заканчивал выводом о том, что первая в России инициатива по обязательному введению «Основ православной культуры» в школах, предпринятая в Белгородской области, не просто педагогически бессмысленна, но является «опасным прецедентом» и «антиконституционна», и возмущался бездействием прокуратуры, не остановившей ее (Мозговой, 2006: 292).

Напротив, многие сторонники специфически-православного предмета в школах доказывают, что подобный предмет не только не противоречит светскому характеру Российской Федерации и ее конституции, но и лежит в русле российских педагогических традиций. Так, И.В. Метлик и О.М. Потаповская в статье «Проблемы методики преподавания православной культуры в школе в аспекте государственно-церковных

отношений» апеллируют к опыту классика педагогики К.Д. Ушинского, приводя следующую его цитату: «Необходимыми знаниями для каждого человека признаются: умение читать, писать и считать, знание оснований своей религии и знание своей родины. Это уже ясно выработавшаяся педагогическая аксиома; кажется, что и нам пора сознать ее и провести повсюду в народном образовании» (Метлик, Потаповская, 2015: 30). Однако и защитники спорного курса часто далеки от объективности. И.В. Метлик и О.М. Потаповская даже начинают свою статью с описания своей «исходной позиции»: «Преподавание православной культуры в светской школе является сферой совместной компетенции государства и Церкви. <...>. Церковь в отношениях с государством по вопросам преподавания православной культуры в светской школе должна представлять интересы в общем образовании православного сообщества, граждан РФ, выражающих принадлежность или предпочтительное отношение к Русской Православной Церкви» (Метлик, Потаповская, 2015: 29-30). Таким образом, ключевой для С.А. Мозговой вопрос о том, имеет ли право РПЦ вмешиваться в учебный процесс в светских школах (на который С.А. Мозговой, как мы видели, давал отрицательный ответ) И.В. Метлик и О.М. Потаповская вообще не рассматривают, сразу декларируя свой положительный ответ на него. Соответственно, они совершенно не скрывают миссионерскую функцию «Основ православной культуры», утверждая, в соответствии с документами РПЦ, что содержание данного предмета «ориентировано не только на “общее знакомство” с Православием, православной культурой, но и на приобщение ребенка к этой традиции по свободному выбору его семьи, родителей (законных представителей)» (Метлик, Потаповская, 2015: 41-42). Однако и эти исследователи критикуют не вполне внятное содержание курса «Основ православной культуры», только связывая его недостатки не с маскировкой миссионерского курса под религиозоведческий, а с желанием носителей идеологии «светского гуманизма» добиться размывания идентичности преподавания православной культуры (а первый учебник по этому курсу в крупнейшем российском издательстве «Просвещение» якобы вообще «подвергся редакции с атеистических позиций») (Метлик, Потаповская, 2015: 38-39).

Как нам представляется, подобные споры вокруг предмета «Основы православной культуры» затрагивают гораздо более широкую проблему, чем простое преподавание специфически-православного предмета в школах. Более того, данная проблема имеет значение не только в России, но и во многих странах, особенно в тех, в которых смешаны элементы современного и традиционного общества. Может ли в светском обществе обязательный для всех учебный предмет содержать не только религиозоведческие, но и миссионерские элементы? Как будет выглядеть этот предмет с точек зрения светского и верующего педагогов? И вообще насколько сочетаемы элементы личной веры и профессиональной педагогики, основанной на науке?

Разумеется, в небольшой статье полноценно ответить на столь широкие вопросы нельзя. Однако нам показалось интересным обратиться к дореволюционным программам и методикам преподавания Закона Божия. Дело в том, что данный курс оценивается различными исследователями совершенно по-разному. Так, С.А. Мозговой утверждает, что в дореволюционной России «система религиозного образования была отработана», однако при этом от ее самостоятельной оценки воздерживается, солидаризируясь с мнением протоиерея М. Козлова, заявившего, что даже в духовных учебных заведениях опыт преподавания «не был безусловно положительным», поскольку «значительная часть революционеров социал-демократов у нас вышла из бывших семинаристов» (Мозговой, 2006: 286). Напротив, И.В. Метлик и О.М. Потаповская предсказуемо апеллируют к тому, что «в православной христианской русской, российской традиции, культуре изучение православного христианства является неотъемлемой частью общего образования детей», в качестве примера указывая как раз на преподавание Закона Божия в дореволюционной школе (Метлик, Потаповская, 2015: 30). Как мы видим, исследователи ссылаются на некий опыт преподавания Закона Божия в имперской России, причем оценивая его совершенно по-разному, однако от какой-либо его детализации воздерживаются. Между тем этот опыт интересен именно в контексте исследования сочетания светского и церковного в педагогике, того, как преподавался миссионерский предмет в светских учебных заведениях. И в своей небольшой статье мы бы хотели рассмотреть вопрос о том, как был выражен специфически-религиозный элемент не в содержании, а в методике преподавания Закона Божия.

2. Обсуждение

Проблематика религиозного образования в светских учебных заведениях Российской империи изучена достаточно слабо. Единственная монография на эту тему, «Закон Божий в дореволюционной светской школе: религиозное обучение в средних учебных заведениях Казанского учебного округа», была выпущена только в 2017 г. А.В. Ермошиным (Ермошин, 2017). Как отмечает А.В. Ермошин в историографической части своего труда, до революции существовала определенная традиция исследования истории и методики преподавания Закона Божия, включавшая как работы «официально-парадного характера», так и качественные аналитические тексты (Ермошин, 2017: 3-5). Однако в советский период эта традиция предсказуемо прервалась, специальных исследований преподавания Закона Божия не выходило, а в более общих работах об истории российского образования тематика религии в дореволюционных школах сводилась к «беглому упоминанию о “реакционной сущности” этого явления» (Ермошин, 2017: 6). Наконец, в постсоветский период, по мнению исследователя, Закон Божий как предмет преподавания в светских школах тоже изучается мало: большинство работ о православном образовании в Российской империи посвящены духовным учебным заведениям (Ермошин, 2017: 6-7).

В то же время нельзя не отметить, что в 2000 гг. и особенно в 2010 гг. число исследований о преподавании Закона Божия резко возросло. Однако эти исследования носят или чрезвычайно частный, или чрезвычайно общий характер. Так, в ряде статей рассматривается предельно краткий хронологический период преподавания данного предмета, чаще всего относящийся уже к революционному времени (Житенев, 2019: 17-22; Степанов, 2019: 300-352; Ферапонт (Кашин), 2019: 152-166). В этих работах описание специфики преподавания Закона Божия в целом, в том числе и за пределами рассматриваемого периода, очень зависит от априорных взглядов автора, и может содержать даже внутренние противоречия. Так, автор одной из этих статей, Т.Е. Житенев, одновременно заявляет, что специфическая педагогика Закона Божия в дореволюционной России достигла уровня «исследований, учитывавших передовые достижения педагогической науки», и в то же время выделяет такие проблемы преподавания данного предмета: «зубрежка, формализм и обязательность в исполнении церковных обрядов, запреты и насилие, оторванность учебников от жизни, неразработанность современной педагогической базы (курсив наш – Авт.)» (Житенев, 2019: 17). В других случаях разбираются воззрения на Закон Божий отдельных выдающихся религиозных деятелей, без изучения того, насколько их практики отвечали общим представлениям о преподавании данного предмета. Например, в статье Л.Н. Беленчук «Развитие церковной дидактики в конце XIX - начале XX века» описывается преподавание Закона Божия Иоанном Кронштадтским, который «не ставил плохих оценок, всегда спрашивал сначала желающих ответить, никогда не наказывал своих воспитанников за ошибки» (Беленчук, 2020: 84). Однако некоторые статьи подобного характера содержат ценнейшие факты, показывающие, что в Российской империи как минимум у части церковных деятелей формировалась идея специфически религиозной педагогики. Так, О.А. Балабейкина в статье «Развитие методики преподавания Закона Божия в Российской империи начала XX в. как направление деятельности православного духовенства: протоиерей Аполлоний Темномеров» обращает внимание на то, что, по мнению героя ее исследования, автора книги «Методика преподавания Закона Божия», целью изучения данного предмета было не изучение материала с «демонстрированием знаний на экзамене», а «научение детей Закону Божию» (Балабейкина, 2021: 36).

С другой стороны, большая часть исследований о преподавании Закона Божия в целом носят обобщенный характер. Например, в статье В.М. Бычковой «Некоторые моменты из истории преподавания Закона Божия в России» на четырнадцать страниц сделана попытка дать общий очерк преподавания Закона Божия с Крещения Руси (Бычкова, 2009: 7-20). И.А. Трофимов укладывает историю преподавания Закона Божия в четыре страницы, и начинает ее с начала XIX в. (Трофимов, 2019: 167-170).

Едва ли не единственная попытка подробного последовательного разбора программ и методов преподавания Закона Божия в их эволюции принадлежит А.В. Ермошину, посвятившему данному сюжету целую главу в своей монографии (Ермошин, 2017: 127-155). Однако этот исследователь рассматривает изменения программ и методик изолированно

друг от друга, причем совершенно сознательно, объясняя это тем, что изменения в программах, как правило, носили «внешний характер», мало связанный с «внутренним развитием этой учебной дисциплины», которое «шло путем развития методики ее преподавания» (Ермошин, 2017: 137). При этом А.В. Ермошин анализирует изменения методик преподавания не в контексте особой религиозной педагогики, а в контексте педагогики светской, приходя к выводу, что методы преподавания Закона Божия развивались в русле российских педагогических новаций, а их специфика сводилась к тому, что они демонстрировали «существенное отставание от развития педагогической науки» (Ермошин, 2017: 147). Он отмечает, что значение преподавания Закона Божия, в том числе и нравственное, к началу XX в. постепенно падало даже в глазах властей: например, когда «в 18 августа 1908 года в Казани проходило совещание по вопросу о повышении нравственного уровня учащихся в средних учебных заведениях», то «о влиянии на “поднятие нравственного уровня учащихся в средних учебных заведениях” школьных уроков Закона Божьего даже не вспоминали» (Ермошин, 2017: 149). С другой стороны, исследователь отмечает, что попытки как-то трансформировать уроки, сделав их более живыми, часто приводили к курьезным результатам: «Урок Закона очень интересен... Батюшка сегодня рассказывал, как он путешествовал, что видел, испытал... Рассказывал анекдот...» (Ермошин, 2017: 150).

И общий вывод А.Е. Ермошина о перспективах преподавания Закона Божия в имперской России достаточно скептичен: он утверждает, что как раз из-за архаичности программ и часто анекдотических методов преподавания «в обществе (и даже среди верующих людей) успело сформироваться если не резко отрицательное, то довольно сдержанное отношение к гимназическому курсу Закона Божьего и перспективам его сохранения и развития в светской школе» (Ермошин, 2017: 156). При этом сами законоучителя, по его мнению, видели выход из сложившейся ситуации «в попытке сближения духовного обучения и воспитания с общей гуманитарной образовательной парадигмой» (Ермошин, 2017: 155).

3. Материалы и методы

Мы можем констатировать, что при изучении преподавания Закона Божия в школах Российской империи исследователями не поднимался вопрос о возможности существования специфически религиозной педагогики, преследующей принципиально иные задачи по сравнению с педагогикой светской. Напротив, в единственной монографии по данной теме преподавание Закона Божия последовательно рассматривается в контексте светской педагогики.

Поясним, что мы считаем религиозной педагогикой и будем анализировать в данной статье. Верующий преподаватель религиозной дисциплины в школе, особенно если эта дисциплина предполагает миссионерскую функцию, в рамках своей картины мира транслирует ученикам не знания и даже не нравственные нормы, но то, что представляется ему высшей и важнейшей истиной. Более того, если большинство изучаемых в светской школе фактов и концептов носят рациональный характер, то религиозные концепты по самой своей сути трансцендентны. Все это ставит преподавателя подобной дисциплины в принципиально иное положение, чем светского преподавателя любого курса. Безусловно, выходом из подобной ситуации может быть то «сближение духовного обучения и воспитания с общей гуманитарной образовательной парадигмой», о котором пишет А.В. Ермошин: последовательное сведение религиозного курса до религиозоведческих, культурологических и универсально-нравственных аспектов, после чего религиозная дисциплина сблизится со светскими дисциплинами гуманитарного круга. Однако совершенно очевидно, что этот выход не является единственным, особенно в обществе, где сильны традиционалисты. В подобном обществе не только сам преподаватель религиозной дисциплины может рассматривать себя как проповедника, миссионера, пришедшего к детям, но и религиозные инстанции могут его в этом всячески поддерживать.

Так, в 2010 г. Синодальный отдел религиозного образования РПЦ выпустил свои разъяснения к методическим материалам министерства образования Российской Федерации для преподавателей «Основ православной культуры» (Метлик, Потаповская, 2015: 41). Вопреки названию, фактически данный документ содержал прямую полемику с тем

принципами, на которых министерство образования планировало реализовывать «Основы православной культуры» в светской школе. Так, министерство, в рамках светской логики, подчеркивало, что «Основы православной культуры» не предполагают «обучения религии» или «преподавания вероучения», а важной целью курса является формирование у детей «веротерпимости»/«толерантности» (Метлик, Потаповская, 2015: 40-41). РПЦ, напротив, утверждало, что «главной задачей» преподавания курса должно стать «изучение своей религиозной традиции и воспитание ребенка на основе традиционных духовно-нравственных принципов», в рамках чего необходимо и преподавание вероучения, поскольку «вероучение является мировоззренческим ядром любой религии» (Метлик, Потаповская, 2015: 40-41). И, самое главное, если министерство рекомендовало «избегать абсолютизации тех или иных взглядов», то РПЦ советовало ограничивать исполнение этого пожелания тем, чтобы не сравнивать на уроках различные религиозные традиции, но при этом интерпретировать «знания о Православии» как «положительные знания и в этом смысле абсолютные, содержащие определенные ответы на основные мировоззренческие и нравственные вопросы» (Метлик, Потаповская, 2015: 43). И уже совершенно прямо: «Не могут быть уважаемы и взгляды, принятые в других религиях по основным догматическим богословским вопросам» (Метлик, Потаповская, 2015: 44). Правда, РПЦ в рамках своих рекомендаций советовало уважать право другого человека на взгляды, «на свободу мировоззренческого выбора» (Метлик, Потаповская, 2015: 44). Однако, если выбор осуществляется между абсолютно правильными взглядами и взглядами ложными и неуважаемыми, как можно уважать право человека на ложный выбор?

И вполне логично, что значительная часть верующих педагогов находит выход не в «сближении духовного обучения и воспитания с общей гуманитарной образовательной парадигмой», а в абсолютизации религии как высшей и трансцендентной ценности. В этом отношении показателен казус А.В. Бородиной, автора первого пособия по курсу «Основ православной культуры»: с одной стороны, она декларировала, что граждане России «хотят получать знания в области религиозной культуры, а верить в бога или нет, они сами решат», но одновременно призывала отказаться от преподавания «атеистического религиоведения» как «оскорбляющего чувства верующих» (Ожиганова, 2012: 118). Собственно, это идеальная иллюстрация к сформулированному нами вопросу об уважении к иному религиозному выбору: А.В. Бородина, с одной стороны, оставляет другим людям право самим выбирать, верить или нет, но при этом желает ограничить распространение тех подходов, которые, с ее точки зрения, приведут к «неправильному» выбору. Весьма любопытна в данном отношении статья «“Основы православной культуры” в школах Тамбовской области: успехи и проблемы» Т.С. Прониной (Пронина, 2017: 119-138). Как отмечает данная исследовательница, фактически контроль над подбором преподавателей для «Основ православной культуры» в Тамбовской области осуществляют местные органы РПЦ, пытающиеся привлечь к преподаванию воцерковленных людей, и не желающие сотрудничать с религиоведами по следующим соображениям: «Религиоведение пытается поставить себя над религиями, это злобная наука и ее не должно быть в системе российского образования» (Пронина, 2017: 123, 125-126). Более того, хотя родители имеют право выбирать вместо «Основ православной культуры» альтернативные курсы, в том числе и арелигиозную «Светскую этику», верующие православные пытаются пропагандировать именно свой курс: «Протоиерей Игорь Груданов, выступая перед учителями на одной из региональных конференций, рекомендовал разъяснять родителям, что курс “Светская этика” является атеистическим, что даже учебник для этого курса никто не хотел писать, настолько его содержание противоречиво, и что российская культура неразрывно связана с православием» (Пронина, 2017: 129).

Однако обычная педагогика представляет собой светскую науку, и направлена на обучение детей, а не донесение до них трансцендентных истин. Соответственно, ее методы применимы там, где происходит «сближение духовного обучения и воспитания с общей гуманитарной образовательной парадигмой». Но «научение детей Закону Божию» как трансцендентной истине должно основываться на неких иных принципах, лежащих вне проблемного поля светской педагогики: ученики должны не усваивать факты, но прочувствовать истину религии. Поэтому под специфически религиозной педагогикой мы будем понимать попытки дореволюционных теоретиков образования разработать

методические основы именно для подобного «научения». Нас будет интересовать, осознавали ли хотя бы некоторые педагоги в Российской империи совершенно особый характер Закона Божия как предмета, и пытались ли они не сблизить его со светской педагогикой, а, напротив, разработать уникальные методы именно для этого курса, связанные с его трансцендентностью. Чтобы получить ответы на поставленные нами вопросы, мы обратимся как к официальным документам святейшего синода, так и к методическим наработкам православных педагогов.

4. Результаты

Для начала мы решили обратиться к периоду, когда обер-прокурором святейшего синода Российской империи был один из крупнейших идеологов консерватизма К.П. Победоносцев. Когда он занял этот пост (1880 г.), синод подготовил новую программу Закона Божия для начальных училищ («Программа по предмету Закона Божия для начальных училищ разных наименований и ведомств»). Нам неизвестно какую роль в этом играл лично обер-прокурор, и, возможно, данная программа была подготовлена до его назначения, однако в дальнейшем он участвовал в ее распространении: в следующем, 1881 г., министерство народного просвещения и синод заявили, что «многие земства и учреждения и даже частные лица жалуются на трудность достать помянутую программу», и в циркулярах, например, по Харьковскому учебному округу специально разъяснялось, что она выпущена отдельной брошюрой, которую можно приобрести в любой губернии в духовной консистории (Циркуляр..., 1881а: 3). Нельзя не отметить, что программа содержательно была очень стройной: трехгодичный учебный курс четко делился на три раздела по годам, причем первый год отводился на «объяснение молитв», второй посвящался «священной истории», а простейшие вопросы богослужения и догматики (Символ Веры, десять заповедей, устройство храма и некоторые аспекты литургии, таинств и прочих богослужений) выносились на третий год (Циркуляр..., 1881b: 14-17).

Однако любопытнее всего была объяснительная записка для учителей к этой программе («Объяснительная записка к программе элементарного курса по Закону Божию для начальных училищ» (Циркуляр..., 1881b: 18). В ней Закон Божий методологически противопоставлялся всем прочим предметам учебного курса. Как подчеркивалось в записке, «при преподавании всякого другого предмета учитель сообщает ученику нечто новое, ему неизвестное, чуждое», и, соответственно, целью учителя является «приблизить преподаваемый предмет к пониманию ученика, ввести новые знания» (Циркуляр..., 1881b: 19). Напротив, Закон Божий, по мнению анонимного автора объяснительной записки, не предполагал сообщения ученикам ничего принципиально нового, причем не только по той причине, что дети росли в православной среде: с точки зрения верующего автора, «основы веры и нравственности лежат в душе каждого дитяти; оне заключаются в образе Божием, ему присущем, слышатся в внушениях его совести» (Циркуляр..., 1881b: 19). Соответственно, «метода» преподавания предмета, предлагаемая в записке, базировалась на «отношении предмета Закона Божия к душе человека», а не идеях светской педагогики, которая в записке вообще не упоминалась (Циркуляр..., 1881b: 19). Таким образом, исходя из религиозной картины мира автора объяснительной записки, если обычные предметы светской программы должны были дать ученику новые знания, а успешность преподавания этих предметов определялась тем, насколько эти знания были усвоены учеником, то Закон Божий только помогал проявиться образу Божьему, который изначально существовал в душе каждого ребенка, и успешность преподавания курса определялась тем, насколько педагог раскрыл то, что уже было заложено в детскую душу. «Преподаватель должен главным образом заботиться не о сумме сообщаемых знаний, а о том, чтобы учащийся из каждого его урока вынес мысль, чувство, стремление, способные служить ему семенем жизни нравственно-религиозной», – резюмировалось в записке (Циркуляр..., 1881b: 19-20).

Подобный подход к предмету предполагал элементы совершенно особой методики преподавания, едва ли возможной при изучении светских наук. Дело было не только в том, что, выражаясь современной педагогической терминологией, воспитательная часть должна была преобладать над познавательной. Само нравственное воспитание детей в ряде случаев должно было идти изнутри, а не извне: например, при изучении молитв педагогу рекомендовалось «вызывать из сердца детей те молитвенные расположения, для которых

слова молитвы служат выражением» (Циркуляр..., 1881b: 20). Соответственно, в записке совершенно прямо указывалось, чтобы занятия, посвященные молитвам, «не имели даже вида урока», а представляли собой «пастырскую беседу с детьми о душевных их нуждах, стремлениях, верованиях, *которые находят в молитве самое естественное для себя выражение* (курсив наш – Авт.)» (Циркуляр..., 1881b: 20). Изучение священной истории должно было подаваться в контексте «домостроительства нашего спасения», а вероучение – в «органической связи» не только с религиозной историей, но и «с жизнью самих детей, насколько она проявляется в их молитвах, в их поступках, в движениях их совести и религиозного чувства» (Циркуляр..., 1881b: 20-21).

Возникает любопытная коллизия: вся новая программа преподавания Закона Божия для начальных училищ основывалась на христианском представлении о том, что каждый ребенок несет в себе образ Божий и обладает врожденным религиозным чувством, а законоучитель должен только развивать эти врожденные качества ребенка. Тексты молитв, а фактически и все православное вероучение, трактовались как «естественное выражение» внутренней жизни ребенка, которая на уроках только проявляет себя и находит трансцендентно освященные формы. Однако подобный подход в принципе затруднял, если не исключал использование наработок светской педагогики при изучении Закона Божия: как подчеркивалось в объяснительной записке к программе, светская педагогика направлена на обучение детей новым знаниям и навыкам, а не на раскрытие в человеке образа Божьего. Зато логичным было сближение урока и «пастырской беседы»: программа фактически и предполагала, что законоучитель будет не педагогом, а духовным пастырем, раскрывающим детям христианскую сущность их внутренней жизни. Но, если религиозоведческий, культурологический и даже воспитательный урок о православии можно было методически проработать с помощью аппарата светской педагогики, то для планирования «пастырских бесед» ее аппарат никогда не предназначался.

И поэтому в разбираемой нами записке прямо указывалось, что конкретные приемы при преподавании данной программы оставляются «свободному выбору преподавателя», который получал право по своему усмотрению обращаться даже с содержательной частью программы, даже перенося конкретные темы для изучения из одного года обучения на другой (Циркуляр..., 1881b: 21-23). Ряд конкретных рекомендаций в тексте все же давался, но они носили или очевидный характер (например, что о Боге детям нужно рассказать еще в начале курса, при изучении молитв), или были чрезвычайно общи и предполагали инициативу самого педагога (так, при изучении молитв рекомендовалось начать с беседы, причем допускалась как беседа о святых, так и из жизни самих детей, но молитва должна была «вытекать из этой беседы как естественное следствие») (Циркуляр..., 1881b: 21-23).

Таким образом, введенная в 1880 г. программа Закона Божия для начальных училищ Российской империи фактически предполагала существование особой, специфически-религиозной педагогики, направленной на развитие в учениках образа Божьего и религиозного чувства, с точки зрения ее авторов изначально присущих каждому ребенку. Подобная педагогика предполагала и особую методику, сближающую преподавание с пастырским служением, а не светским учебным процессом.

Именно в контексте существования в Российской империи подобной педагогики мы считаем нужным рассмотреть последовавшее в 1884 г. решение Александра III активно создавать сеть церковно-приходских школ. Дело в том, что святейший синод так описывал задачи священников-учителей в этих школах: «Дабы совокупным их трудом и примером собственной жизни воспитывать в детях страх Божий, преподавать им знание веры, вселять в сердца их любовь к св. Церкви и преданность Царю и Отечеству» (Циркуляр..., 1884: 9). Данный список задач не включает в себя утверждений о том, что религиозное чувство изначально присуще детям, однако также содержит два необычных с точки зрения светской педагогики элемента. Во-первых, в этом списке вообще нет образовательных задач, а только задачи воспитательные: о том, что церковно-приходские школы должны дать детям какие-то знания, даже о православном вероучении, не сообщалось, зато приводился ряд морально-нравственных качеств, развитию которых должна способствовать школа (кстати одно из этих качеств, «преданность Царю и Отечеству», не является специфически-религиозным, но скорее демонстрирует консервативно-государственнические настроения членов синода). Во-вторых, воспитывать данные качества предполагалось не только «трудом» учителей-

священников, но и «примером собственной жизни». Показательно и то, что обращение синода, сообщенное в циркуляре министерства народного просвещения, не содержало никаких апелляций к педагогической науке и вообще к истории педагогики, а руководствоваться в своей преподавательской деятельности священникам рекомендовалось «10 правилом седьмого вселенского собора»: «Паче всего подобает учить отроков, читая им божественное писание, ибо для сего и священство получили» (Циркуляр..., 1884: 10).

Напротив, даже консервативное министерство народного просвещения Российской империи (его в это время возглавлял крайне одиозный И.Д. Делянов, наиболее известный «циркуляром о кухаркиных детях», ограничившим доступ к среднему образованию лиц низших сословий) комментировало решение начать активно создавать новые церковно-приходские школы несколько иначе, с акцентом на историю российской педагогики. В соответствующем циркуляре подчеркивалось, что именно духовенство «с первых времен основания Русского государства стояло во главе распространения образования в народе», а «до начала 60-ых годов священно- и церковно- служители были почти *единственными* учителями сельских школ (курсив в оригинале – Авт.)» (Циркуляр..., 1884: 10). Министерство прежде всего описывало деятельность священников как носителей универсального просвещения, не имеющего специфически-религиозного характера и поэтому несущего позитивную ценность и со светских позиций: «духовенство и словом, и делом старалось распространять в народе доверие к училищам»; «многие образцовые одноклассные и двухклассные училища министерства народного просвещения возникли благодаря почину и живому участию священников»; «сотни училищ открыты только потому, что прежде священно- и церковно- служители обучали у себя на дому детей и тем подготовили грамотное население» (Циркуляр..., 1884: 10-11). И в итоге призыв помогать священству в открытии церковно-приходских школ министерский циркуляр формулировал приемлемо и для неверующего человека, с акцентом на социальную, а не трансцендентную роль церкви: «Народных училищ так мало сравнительно с населением и пространством обширной Империи, что возникающие церковно-приходские школы восполняют потребность в обучении народа, который охотно будет верить детей школе, устроенной под сенью церкви. Все призванные служить высокой цели просвещения народа должны быть первыми доброжелателями, самыми искренними друзьями и пособниками школы, которая руководится непосредственно иерархами и пастырями православной церкви» (Циркуляр..., 1884: 12).

Риторика синода и министерства народного просвещения в связи с началом активного создания церковно-приходских школ в 1884 г. хорошо отражает разницу между светской и духовной педагогикой. Министерство рассматривало образование с позиций социальных, доказывая пользу от привлечения церкви к обучению детей историческим опытом, подлежащим объективной проверке независимо от религиозных взглядов. Возможно, оно несколько преувеличило вклад священников в отечественную систему образования, однако случаи, когда священники позиционировались как подвижники просвещения в периферийных регионах Российской империи, безусловно имели место. Так, в середине XIX в. А.Г. Филонов, первым попытавшийся исследовать образование в среде донских казаков, на основании воспоминаний и свидетельств современников выделял в качестве основоположника просвещения на Дону умершего полвека назад протоирея А.Г. Оридовского, которого характеризовал как «*первого* по достоинству учителя нашей гимназии (курсив в оригинале – Авт.)» (Филонов, 1859: 169). «Замечательный педагог, горячий защитник просвещения, превосходный и первый по достоинству учитель только что открытой гимназии», – так характеризовал протоирея уже в начале XX в. другой донской историк-любитель, А.А. Кириллов (Кириллов, 1905: 8). Святейший синод, напротив, рассматривал образование с позиций православного вероучения, апеллируя к решению вселенского собора, априори имеющему бесспорную позитивную значимость только для других православных. Таким образом, при доведении идеи религиозной педагогики до логического предела, она из научного знания превращалась в знание религиозное, основанное не на подлежащих объективному измерению фактах, а на религиозной догматике, безусловно верной только с позиции верующего соответствующей религии.

Итак, как мы видим, в Российской империи существовала тенденция к преподаванию Закона Божия с позиций особой религиозной педагогики, однако эта педагогика не была вполне проработана: в одном тексте синода источником веры объявлялось внутреннее религиозное чувство, присущее детям изначально, а в другом знание веры все же предполагалось преподавать извне. Но, в любом случае, эта педагогика существовала в совершенно ином пространстве, чем педагогика светская: не в пространстве объективно наблюдаемых фактов и явлений, а в пространстве вероучения православной церкви. И это неизбежно должно было сказаться на целях и методах уроков.

Более того, как нам представляется, существование религиозной педагогики было одной из причин, по которым преподавание Закона Божия демонстрировало «существенное отставание от развития педагогической науки». Обнаруживший существование этого отставания А.В. Ермошин не касался его причин, и не рассмотрел вопроса о том, что педагогическая наука в целом является наукой светской, и некоторые полезные с ее точки зрения методы преподавания могут быть неоднозначны с позиций строгого православного вероучения. Так, А.В. Ермошин позитивно оценивает съезд законоучителей Казанской епархии в 1913 г., отмечая «прогрессивность» некоторых озвучиваемых там идей, например, о использовании для религиозного обучения музыки, в том числе и молодых музыкантов (Ермошин, 2017: 155). Однако в числе использовавшихся для этого музыкальных произведений он приводит ряд произведений католических музыкантов, в частности, некую «Деву Марию» Ш. Гуно (Ермошин, 2017: 154). Судя по всему, речь идет о «Ave Maria» Ш. Гуно, написанной на текст католической молитвы. Понятно, что с точки зрения религиозной педагогики использование произведений, основанных на канонических текстах другой конфессии, выглядит как минимум спорным. Ориентация на православное вероучение, опора на религиозные, а не светские представления о целях урока неизбежно должны были способствовать формированию не просто особых методов преподавания, а методов преподавания консервативных и даже архаичных, поскольку более близких к «пастырской беседе», а не к современному уроку. И, например, бесспорно потенциально полезная в рамках светского культурологического урока о христианстве католическая церковная музыка для православной религиозной педагогики была неприемлема.

Чтобы продемонстрировать то, что было приемлемо с точки зрения православной религиозной педагогики, как на практике предполагалась реализация преподавания Закона Божия, обратимся к «Начальному Наставлению в Православной Христианской Вере, составленному в объеме курса начальных училищ и приготовительного класса средних учебных заведений придворным протоиереем Дмитрием Соколовым». Данная книга до 1917 г. выдержала множество изданий, кроме того, заслуживает внимания сама личность ее автора. А.В. Ермошин считает протоиерея Д.П. Соколова «последовательным аналитиком, свободным от иллюзий и чрезмерного конфессионального субъективизма», а его исследование о том, как преподавался Закон Божий до 1870 гг. – основополагающим и не имеющим позднейших аналогов (Ермошин, 2017: 4-5). Мы обратимся к одному из последних дореволюционных изданий пособия протоиерея, сто третьему, вышедшему в 1914 г. (Соколов, 1914). Прежде всего, отметим, что уже подобное количество изданий обрекало текст Д.П. Соколова на определенную архаичность: в то время как педагогическая наука развивалась, популярнейшим пособием для преподавания начального курса Закона Божия оставалась книга, первоначальный вариант которой вышел много лет назад. Даже изменения программ преподавания Закона Божия не заставляли Д.П. Соколова написать принципиально новый учебник: так, пятнадцатое издание его пособия вышло еще в 1877 г., т. е. до принятия в 1880 г. новой программы Закона Божия для начальных училищ (Определения..., 1878: 44). Таким образом, в 1910 гг. начальные курсы Закона Божия могли читаться по книге, первое издание которой вышло более сорока лет тому назад.

Пособие Д.П. Соколова предварялось небольшим «Предисловием», адресованным учителю, однако методические рекомендации в нем сводились к следующему: «Указания того, как вести объяснение молитв и как вообще пользоваться предлагаемым учебным пособием, находятся в “Объяснительной записке к программе элементарного курса по Закону Божию для начальных училищ разных наименований и ведомств”» (Соколов, 1914: II). К сожалению, год издания данного документа указан не был, поэтому не ясно, идет ли речь о «Объяснительной записке к программе элементарного курса по Закону Божию для

начальных училищ» от 1880 г. или о каком-то более позднем документе (напомним, что сама программа 1880 г. полностью именовалась как раз «Программой по предмету Закона Божия для начальных училищ разных наименований и ведомств» (Циркуляр..., 1881b: 14). В любом случае, содержание пособия соответствовало учебной программе полувековой давности: книга состояла из трех отделов, о молитвах, о священной истории и о Символе вере, десяти заповедях и богослужении (Соколов, 1914: I-II). Разберем более подробно первый отдел, с которого начиналось обучение, отдел о молитвах.

Программа 1880 г. предполагала, что в первый год ученики разберут 20 молитв, в основном достаточно универсального характера («Господи помилуй», «Отче наш», «Ангеле, Хранителю мой святой, от всякого зла сохрани мя» и т. п.), либо отражающих душевные нужды православного ребенка («Очи всех на Тя Господи уповают», «Благодарим Тя, Христе Боже наш» и т. п.) (Циркуляр..., 1881b: 14-15). Д.П. Соколов в общем придерживался этого списка, однако дал молитвам условные заглавия, отражающие значение молитвы для молящегося: так, молитвы «Очи всех на Тя Господи уповают» и «Благодарим Тя, Христе Боже наш» стали обозначены как «Молитвы перед вкушением и после вкушения пищи» (Соколов, 1914: 28). Кроме того, в его пособии представлено несколько молитв, программой 1880 г. не предусмотренных, например, молитвы, отвечающие очевидным потребностям православного ребенка во время учебы: «Молитва пред ученьем» («Преблагий Господи») и «Молитва после ученья» («Благодарим тебе, Создателю») (Соколов, 1914: 21-22).

Что касается общей подачи материала о молитвах, то она в целом соответствовала «Объяснительной записке к программе элементарного курса по Закону Божию для начальных училищ» от 1880 г.: молитвы интерпретировались как внутренняя потребность человека. В небольшом разделе, объясняющем смысл и описывающем внешние атрибуты молитвы, сообщалось следующее: «От одного Бога мы можем получить все потребное для нашей жизни; Он ежеминутно посылает нам Свои милости; Его великие дела мы постоянно видим. Значит, мы имеем постоянную потребность просить Бога, благодарить и славословить Его. Поэтому мы должны бы не переставая молиться Богу» (Соколов, 1914: 3). Соответственно, и конкретные молитвы интерпретировались не как даваемые извне, но как отображающие внутреннюю потребность ребенка. Например, «Молитвы перед вкушением и после вкушения пищи» описывались так: «Мы сначала благодарим Христа Бога за то, что Он насытил нас Своими земными благами, а затем просим, чтобы Он не лишил нас и небесного Своего царства» (Соколов, 1914: 23). «Молитва пред ученьем» произносилась, чтобы «с пользой выслушать преподаваемое учение», а «Молитва после учения» – как благодарность «за дарованную нам милость, за возможность учиться» (Соколов, 1914: 21-22).

Однако фактически форма подачи информации о молитвах в учебнике Д.П. Соколова была очень простой, если не архаичной. В каждом случае давался текст молитвы, объяснение значения сложных слов в нем, объяснение молитвы в целом и вопросы для проверки. При этом объяснения того, почему вообще следует использовать в молитвах сложные и архаичные слова Д.П. Соколов не давал, а многие его объяснения молитв с точки зрения светской педагогики были достаточно сложны для маленького ребенка. Так, начинал разбор молитв Д.П. Соколов с группы молитв, объединенных в подраздел «Краткие славословия Богу», куда вошли как молитвы, предусмотренные программой 1880 г. («Во имя Отца и Сына и Св. Духа»; «Слава Тебе Боже наш, слава Тебе»; «Слава Отцу и сыну и Св. Духу»), так и несколько дополнительных («Буди, имя Господне, Благословенно»; «Свят, Свят, Свят Господь Саваоф») (Соколов, 1914: 4-5; Циркуляр..., 1881b: 14-15). И уже здесь Д.П. Соколов давал объяснение одному из сложнейших догматов православия, триничности Бога, сводя его к следующему: «Он *един* по существу и *троичен* в Лицах (курсив в оригинале – Авт.)» (Соколов, 1914: 4). Предлагалось и следующее объяснение выражению «Господь Саваоф»: «Господь воинств небесных, Вседержитель», при этом объяснения того, о каких воинствах речь и что значит «Вседержитель» не давалось (Соколов, 1914: 5). При этом напомним, что «Объяснительная записка к программе элементарного курса по Закону Божию для начальных училищ» требовала от законоучителя не просто добиться от ребенка знания молитвы, но «вызывать из сердца детей те молитвенные расположения, для которых слова молитвы служат выражением». Если славословия Богу в принципе и могли быть естественной духовной потребностью для православного ребенка, то сделать так, чтобы его

духовную жизнь действительно отражали не обращения к Богу вообще, но к «Господу Саваофу» или Господу, «единому по существу и троичному в Лицах», было непростой педагогической задачей.

И подобных сложных, если не схоластических с точки зрения светской педагогики, мест в учебнике Д.П. Соколова немало. Приведем только самые яркие. Первоклассникам начальных училищ предлагалось объяснять, что «Сына Божия мы называем Богом Словом потому, что он, явившись на земле, открыл, то есть показал, нам невидимого Бога Отца точно так же, как наше слово выражаем мысль, скрытую в нашей душе» (Соколов, 1914: 15). Они должны были понять, что, прося Бога «посетить нас», молящийся на самом деле просил, чтобы Господь «несмотря на черноту нашей грешной души, вошел в нее» (Соколов, 1914: 6). Да и с соответствием молитв духовным потребностям детей все было не так просто: молитва «Спаси Господи люди Твоя», предусмотренная программой 1880 г. (Циркуляр..., 1881b: 15), трактовалась Д.П. Соколовым как «Молитва за Царя и отечество» (Соколов, 1914: 19). И при ее разборе священник должен был объяснить, что «землю свою (отечество) мы называем достоянием или имуществом Божьим» (Соколов, 1914: 19). Таким образом, законоучитель должен был донести до маленьких детей смысл понятия «отечество».

Как мы видим, объяснения молитв в учебнике Д.П. Соколова сами по себе едва ли были понятны малограмотному ребенку, только начинающему свое обучение. И в ходе работы с этими молитвами законоучитель выступал именно в роли пастыря, а не светского педагога: он должен был пробудить в ребенке желание молиться, не просто объяснить сложные и малопонятные лексически архаичные тексты молитв, но сделать так, чтобы эти тексты начали соответствовать искренним духовным потребностям ребенка. Понятно, что для светских педагогов подобные задачи нетипичны: даже на уроках литературы, при изучении художественных текстов, не ставится задача сделать так, чтобы дети воспринимали эти тексты как отображение своего внутреннего мира. Соответственно, даже блестящее знание светской педагогики не всегда могло помочь законоучителю в достижении тех целей, которые ставили перед ним «Объяснительная записка к программе элементарного курса по Закону Божию для начальных училищ» и учебник Д.П. Соколова. При этом, поставив эти задачи, четких методов их достижения данные тексты не предложили, оставив их «свободному выбору преподавателя».

Поэтому, прежде чем перейти к выводам, обратимся еще к «Методике преподавания Закона Божия» протоирея А.М. Темномерова (Темномеров, 1915). Нам представляется крайне любопытным, что в небольшом авторском введении к своей книге протоирей указывал, что «в нашей методической литературе имеется уже немало руководств по преподаванию Закона Божия», однако далее отказывал этим руководствам в какой-либо ценности, заявляя, что все данные руководства «написаны людьми кабинетными, незнакомыми с законоучительской практикой и с теми затруднениями, какие приходится преодолевать законоучителю» (Темномеров, 1915: I). Свою книгу А.М. Темномеров противопоставлял подобным руководствам как «имеющую характер по преимуществу практический» (Темномеров, 1915: II). При этом он, как и предыдущие разобранные нами дореволюционные авторы, разбиравшие методику преподавания Закона Божия, сразу оговаривал, что его методы не носят абсолютного характера, и преподаватель должен быть готов отойти от них (Темномеров, 1915: II). Итак, как предлагал вести уроки Закона Божия преподаватель-практик в 1915 г.?

Прежде всего, заслуживают внимания рассуждения протоирея о целях и задачах преподавания Закона Божия. Он, вполне традиционно для российской педагогики, выделял в преподавании две стороны, учебную («расширить умственный кругозор ребенка в области самых близких и дорогих сердцу каждого христианина религиозных истин») и воспитательную («сделать приобретаемые знания достоянием не одного только ума ребенка, но также его чувства и воли») (Темномеров, 1915: 1). Однако специфику преподавания Закона Божия А.М. Темномеров видел в том, что обе эти задачи в педагогическом процессе должны были органично сливаться в одну: в формирование «в ребенке человека-христианина, истинного сына Православной Церкви» (Темномеров, 1915: 1). По мнению А.М. Темномерова, этой высшей цели нельзя было добиться без гармоничного выполнения учебных и воспитательных задач, однако на практике обычно законоучителя не могли добиться подобного синтеза, отдавая предпочтение или обучению, или воспитанию.

Критикуя подобные подходы, А.М. Темномеров ссылаясь не на светских и даже не на духовных педагогов, а на Священное писание. По его мнению, если законоучитель давал ребенку только формальные знания о вере, не проникшие в его душу и сердце, то ученик по прохождению такого курса уподоблялся «меди звенящей и кимвалу бряцающему (I Кор. XIII, 1)» (Темномеров, 1915: 2). Законоучителей же, которые воспитывали нравственность без глубокого изучения вероучения, протоирей критиковал так: «Для нравственного развития христианина *никто не может положить иного основания, кроме положенного, которое есть Иисус Христос* (I Кор. III, 11) (курсив в оригинале – Авт.)» (Темномеров, 1915: 7). Здесь мы видим прекрасный пример того, как религиозная педагогика вступала в конфликт со светской из-за различных методологических оснований. С точки зрения светской педагогики, воспитание достигается далеко не только путем обращения к религии. Однако А.М. Темномеров, опираясь на священное писание, заявлял совершенно однозначно: «Только тот человек устойчив в добродетели, который глубоко проникся верою в Спасителя, и, наоборот, кому чужды или в ком не тверды спасительные истины христианской веры, в том нравственная деятельность не имеет прочного основания – покоится на песке» (Темномеров, 1915: 7). Не удовлетворяли протоирей и те преподаватели, которые и учили с детьми программу, и вели с ними «назидательные беседы» – протоирей требовал не просто и обучать, и воспитывать детей, а делать это одновременно, не разделяя обучающие и воспитательные уроки (Темномеров, 1915: 8). И в итоге А.М. Темномеров приходил к той же идее, которую мы уже неоднократно встречали в религиозной педагогической литературе – целью преподавания Закона Божия было сделать так, чтобы православие стало естественным выражением внутренней духовной жизни ребенка. «Религия должна проникать всего человека – его ум, чувство и волю. <...>. Все, чему научается ребенок в школе на уроках Закона Божия, должно быть ясно воспринято его умом, чтобы быть разумным и сознательным, усвоено его сердцем, чтобы быть живым и действенным, и, наконец, через ум и сердце должно подчинить себе волю, чтобы оказаться плодотворным», – утверждал протоирей (Темномеров, 1915: 10).

Итак, перед законоучителем стояла задача полностью, независимо от других преподавателей и семьи, сформировать ребенка как «истинного сына Православной Церкви», подчинить его волю православному вероучению. Именно православному вероучению, а не более общим христианским идеалам и нормам нравственности: как мы видели из разобранных выше программы и учебника, выражением души ребенка должны были стать конкретные молитвы, он должен был прочувствовать и принять конкретные догматы, например, о троичности Бога. Не удивительно, что законоучителям было сложно справиться с подобной задачей. Светская педагогика могла помочь им в этом достаточно ограничено, и поэтому неудивительно, что у А.М. Темномерова и далее в тексте мало ссылок на ученых-педагогов, а некоторые предлагаемые им методы в светской педагогике едва ли применимы.

Ограничимся одним, но самым ярким примером. Вторая глава «Методики преподавания Закона Божия» была посвящена личности законоучителя (Темномеров, 1915: 12-46). Подчеркнем, что речь в ней шла не просто о поведении учителя с учениками, их родителями, коллегами и т. д., а именно о том, каким должен быть человек, несущий детям Закон Божий. Опорой для предъявления этих требований для А.М. Темномерова чаще служили не педагогические, а религиозные факторы, подтверждаемые новыми ссылками на священное писание: так, доказывая, что законоучитель должен «проходить свое служение и с внешней стороны благопристойно», протоирей ссылаясь на Первое послание к коринфянам (Темномеров, 1915: 45). Отказываясь четко сформулировать, в чем должна заключаться эта благопристойность, и подчеркивая, что в разных местностях она различна, он прямо цитировал два отрывка из этого послания: «Руководством ему в этом отношении может служить пример апостола, *который для иудеев был, как иудей... для подзаконных, как подзаконный... для немощных, как немощный...* (1 Кор. IX, 20-22), и, не желая уязвлять немощную совесть некоторых из верующих, говорил: *если пища соблазняет брата моего, не буду есть мяса во век, чтобы не соблазнить брата моего* (1 Кор. VIII, 13) (курсив в оригинале – Авт.)» (Темномеров, 1915: 46). В итоге главным требованием к законоучителю становилась религиозность, то, что он должен быть «искренно верующим сыном Церкви» (Темномеров, 1915: 13). Подобно тому, как по результатам преподавания Закон Божия религиозность должна была полностью овладеть ребенком, эта же религиозность должна

была пронизывать личность законоучителя, становясь основой для преподавания предмета: «В отношении к предмету Закона Божия глубокое религиозное чувство законоучителя сказывается в его воодушевлении. Под последним мы разумеем такую проникновенность человека известною идеей или идеями, при которой последние овладевают духом и становятся в нем источником энергии. <...>. Истина религиозная делается для человека своей, приобретает силу, неудержимо стремится найти себе выражение вне. От избытка сердца говорят уста» (Темномеров, 1915: 14). Таким образом, в основу религиозной педагогики, по А.М. Темномерову, ложилась глубокая и всепроникающая вера, в соответствии с которой педагог и должен был выстраивать свои уроки. Протоирей даже считал, что именно вера порождает в учителе важнейшие для преподавания качества: «Воодушевление истинами Закона Божия сказывается в законоучителе, при преподавании, в выразительности, достоинстве и сердечности речи» (Темномеров, 1915: 15-16). Таким образом, подобно тому, как ребенок мог стать истинно-нравственным только благодаря глубокой христианской вере, и законоучитель становился хорошим законоучителем вследствие этой веры.

Подобный подход вовсе не означал, что А.М. Темномеров не давал в своей книге законоучителям советов, полезных с точки зрения светской педагогики. Так, он признавал, что одного религиозного воодушевления мало, и учителю следует и работать над собой, чтобы выразительно, достойно и сердечно говорить (Темномеров, 1915: 16). Однако и здесь его логика оставалась сугубо религиозна. Главу о личности законоучителя протоирей начал с рассуждений о том, что в современном обществе «условия жизни, воспитания и образования очень часто налагают как бы оковы на самые живые чувствования человека, подавляют их внешние проявления и заставляют его заключаться в самого себя» (Темномеров, 1915: 12). И, объясняя то, почему одной веры недостаточно, чтобы «воодушевление истинами Закона Божия» само собой проявилось в речи, А.М. Темномеров утверждал, что это воодушевление на самом деле проявляется, но только «у натур более непосредственных», в то время как у большинства «по причинам уже упомянутым, слово перестало служить верным выразителем внутреннего настроения, и такое несоответствие часто даже считается достоинством человека, неотъемлемым свойством и признаком воспитанности» (Темномеров, 1915: 16). Но первопричиной выразительной, достойной и сердечной речи законоучителя протоирей считал именно веру, а не тренировку, и описывал неудачи не тренирующегося выражать свои мысли законоучителя так: «Если этот подъем духа в нем и произойдет, то скоро потухнет, не будучи в состоянии прорвать оковы наружного спокойствия и выдержки» (Темномеров, 1915: 16).

5. Заключение

«Серьезность требуется от законоучителя и его саном, и святостью самого дела. Законоучитель не должен забывать, что он преподает детям божественное учение, что он руководит их первыми шагами на пути спасения и что он имеет дать ответ Господу, если кто-либо из малых сих по его вине усвоит превратное направление в жизни», – писал в своем методическом пособии А.М. Темномеров (Темномеров, 1915: 42). И нам остается констатировать, что если в современной России наблюдается определенное противоречие между религиозоведческой и миссионерской функциями религиозного предмета в школе, то в Российской империи подобного противоречия не было. И синод, и учебники, и некоторые методические пособия требовали от законоучителя выполнять исключительно миссионерскую функцию, рассматривая знание о вероучении как необходимую часть веры.

Однако как раз подобный статус Закона Божия выводил его за пределы светской педагогики как науки. И программы, и учебники, и методические пособия писались с религиозных, а не научных позиций: даже требования к педагогу и необходимость педагогической деятельности в них могли обосновываться цитатами из Священного писания и постановлений вселенских соборов. При этом педагогические требования к законоучителю значительно превышали требования к учителю любого другого предмета: он должен был не научить ученика, и даже не воспитать его в православной традиции, а сделать так, чтобы самый внутренний мир ребенка начал естественно выражаться через православие, от молитв до основ вероучения. Особенно любопытна в этом отношении «Объяснительная записка к программе элементарного курса по Закону Божию для

начальных училищ» от 1880 г., согласно которой каждый ребенок уже нес в себе «образ Божий», и поэтому православная молитва была естественным выражением его внутренней жизни, а педагогу следовало только раскрыть перед учеником связь между этой молитвой с его внутренней жизнью. С точки зрения светской научной педагогики эта задача в принципе нерешаема: далеко не для каждого ребенка выражением внутренней жизни служит православная молитва, тем более что некоторые молитвы, предлагавшиеся для разбора маленьким детям по программе Закона Божия, содержали достаточно сложные и чисто христианские понятия, например, о том, что Бог «един по существу и троичен в Лицах».

Логическим выходом из этой ситуации стало формирование специфической религиозной педагогики, основывавшей преподавание Закона Божия на православном вероучении. Ярчайшим примером такой педагогики может служить «Методика преподавания закона божия» протоирея А.М. Темномерова, в которой прямо прописано, что главным требованием к законоучителю является «глубокое религиозное чувство». Сами навыки преподавателя, даже специально отрабатываемые им, такие как, например, выразительность, достоинство и сердечность речи, трактовались А.М. Темномеровым как следствие этого религиозного чувства. И в теории как раз гармоничная православная религиозность, в которой внешняя обрядность была бы органичным результатом внутренней жизни ученика и учителя, должна была стать основой православной педагогики.

На практике, однако, системной православной педагогики так и не сформировалось. Даже разобранные нами тексты противоречат друг другу в понимании основ православной педагогики: так, важнейший тезис «Объяснительной записки к программе элементарного курса по Закону Божию для начальных училищ» о том, что Закон Божий принципиально отличен от всех других предметов школьного курса, так как не дает ребенку никаких новых знаний, но развивает то, что изначально находится в его душе, не нашел отражения ни у А.М. Темномерова, ни у другого крупного религиозного педагога, Д.П. Соколова. Зато ни анонимный автор записки, ни Д.П. Соколов не уделяли такого внимания личности законоучителя, как А.М. Темномеров. При этом в разобранных нами текстах регулярно звучит мысль о том, что инициатива в выборе конкретных методов преподавания возлагается на самого законоучителя. Поэтому неудивительно, что, согласно выводам А.В. Ермошина, единственного автора, посвятившего изучению преподавания Закона Божия в Российской империи отдельную монографию, в начале XX в. преподавание данного предмета находилось в серьезном кризисе, выход из которого многие видели «в попытке сближения духовного обучения и воспитания с общей гуманитарной образовательной парадигмой», т. е. в отказе от специфически религиозной педагогики и, соответственно, в ослаблении миссионерской функции религиозного предмета в школе. Светская педагогика к началу XX в. наработала уже серьезную научную базу и показала свою эффективность, в то время как с педагогикой религиозной ситуация оставалась гораздо более сложной.

Описанный нами подход к преподаванию Закона Божия вполне объясняет и то, почему данный предмет имел неоднозначную репутацию. Дело было не только в часто архаичных методах его преподавания. А.М. Темномеров прямо писал, что то, «чему научается ребенок в школе на уроках Закона Божия», в конечном счете должно «подчинить себе волю» ученика. И это не было оговоркой или преувеличением: согласно протоирею, подлинная нравственность могла быть возможна только в рамках комплексно воспринятого православия, и поэтому даже если ребенок в рамках «назидательных бесед» с законоучителем воспитывался в христианских ценностях, но эти ценности не выражались им через обрядность и вероучение православия, результат обучения, как считал А.М. Темномеров, был неудовлетворительным. Понятно, что в светской школе подобные претензии на абсолютную истину, на полное подчинение воли ученика православному вероучению, могли вызвать откровенно негативную реакцию.

И нам остается констатировать, что опыт Российской империи доказывает: педагогика, методически опирающаяся не на науку, а на религиозную основу и личную веру педагога существовать может. Однако именно в силу своей специфики она будет приобретать черты, принципиально отличающие ее от педагогики светской: если светская педагогика опирается на проверяемые факты, то для религиозной высшей истиной являются отсылки к вероучению и священным текстам. Поэтому подобная педагогика приближается скорее к пастырскому служению, в рамках которого важной становится исключительно

миссионерская функция преподавания. Но эффективность такой педагогики, судя по опыту Российской империи, достаточно низка. При этом допуск в светскую школу религиозных предметов с миссионерской, а не религиоведческой функцией создает риск реализации учителями именно подобной педагогики: истово верующий учитель легко может начать рассматривать себя как носителя абсолютной религиозной истины, который должен не научить детей, а развить/трансформировать их личность так, чтобы привести к спасению, опираясь в этом процессе на священные тексты.

Литература

Балабейкина, 2021 – Балабейкина О.А. Развитие методики преподавания Закона Божия в Российской империи начала XX в. как направление деятельности православного духовенства: протоиерей Аполлоний Темномеров // *Вестник Исторического общества Санкт-Петербургской духовной академии*. 2021. № 1 (6). С. 31-40.

Беленчук, 2020 – Беленчук Л.Н. Развитие церковной дидактики в конце XIX – начале XX века // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 4: Педагогика. Психология. 2020. № 59. С. 79-90.

Бычкова, 2009 – Бычкова В.М. Некоторые моменты из истории преподавания Закона Божия в России // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 4: Педагогика. Психология. 2009. № 1 (12). С. 7-20.

Ермошин, 2017 – Ермошин А.В. Закон Божий в дореволюционной светской школе: религиозное обучение в средних учебных заведениях Казанского учебного округа. Казань, 2017. 420 с.

Житенев, 2019 – Житенев Т.Е. Вопрос о преподавании Закона Божия как учебного предмета в 1917-1918 гг. // *Поволжский вестник науки*. 2019. № 2 (12). С. 17-22.

Караваев, 2020 – Караваев Е.В. Церковь и образование: из опыта преподавания курса «Основы православной культуры» в школах Российской Федерации // *Труды Белгородской Православной Духовной семинарии (с миссионерской направленностью)*. 2020. № 10. С. 122-132.

Кириллов, 1905 – Кириллов А.А. К истории народного образования на Дону // *Сборник Областного войска Донского статистического комитета*. Вып. 5. Новочеркасск, 1905. С. 1-15.

Метлик, Потаповская, 2015 – Метлик И.В., Потаповская О.М. Проблемы методики преподавания православной культуры в школе в аспекте государственно-церковных отношений // *Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета*. Серия 4: Педагогика. Психология. 2015. № 4 (39). С. 29-49.

Мозговой, 2006 – Мозговой С.А. «Основы православной культуры» в российской светской школе: социально-правовой анализ // *Вопросы образования*. 2006. № 4. С. 274-294.

Ожиганова, 2012 – Ожиганова А.А. Учебные пособия «Основы религиозной культуры» с точки зрения поликультурной концепции образования // *Проблемы современного образования*. 2012. № 5. С. 109-126.

Определения..., 1878 – Определения ученого комитета министерства народного просвещения // *Журнал Министерства народного просвещения*. 1878. Т. СХСVI. С. 15-48.

Островский, 1982 – Островский Н.А. Как закалялась сталь. Пермь, 1982. 362 с.

Пронина, 2017 – Пронина Т.С. «Основы православной культуры» в школах Тамбовской области: успехи и проблемы // *Государство, религия, церковь в России и за рубежом*. 2017. № 4. С. 119-138.

Соколов, 1914 – Соколов Д.П. Начальное наставление в православной христианской вере, составленное в объеме курса начальных училищ и пригготовительного класса средних учебных заведений придворным протоиереем Димитрием Соколовым. СПб., 1914. 179 с.

Степанов, 2019 – Степанов А.Ф. Отмена преподавания Закона Божия в Казанском учебном округе в 1918 г. // *Вестник церковной истории*. 2019. № 1-2. С. 300-352.

Темномеров, 1915 – Темномеров А.М. Методика преподавания закона божия. СПб., 1915. 296 с.

Трофимов, 2019 – Трофимов И.А. История преподавания Закона Божия в средних казенных учебных заведениях Российской империи // *Актуальные вопросы церковной науки*. 2019. № 1. С. 167-170.

Ферапонт (Кашин), 2019 – *Ферапонт (Кашин)*. Дискуссия 1917 года о преподавании Закона Божия в школах (по материалам Костромской епархии) // *Богословский вестник*. 2019. № 4 (35). С. 152-166.

Филонов, 1859 – *Филонов А.Г.* Очерки Дона. СПб., 1859. 195 с.

Циркуляр..., 1881a – Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1881. № 10. 40 с.

Циркуляр..., 1881b – Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1881. № 5. 62 с.

Циркуляр..., 1884 – Циркуляр по Харьковскому учебному округу. 1884. № 9. 47 с.

References

Balabeikina, 2021 – *Balabeikina, O.A.* (2021). Razvitie metodiki prepodavaniya Zakona Bozhiya v Rossiiskoi imperii nachala XX v. kak napravlenie deyatelnosti pravoslavnogo dukhovenstva: protoierei Apollonii Temnomerov [Development of methods of teaching the Law of God in the Russian Empire at the beginning of the 20th century. as a direction of activity of the Orthodox clergy: Archpriest Apolloniy Temnomerov]. *Vestnik Istoricheskogo obshchestva Sankt-Peterburgskoi dukhovnoi akademii*. 1(6): 31-40. [in Russian]

Belenchuk, 2020 – *Belenchuk, L.N.* (2020). Razvitie tserkovnoi didaktiki v kontse XIX – nachale XX veka [The development of church didactics in the late XIX – early XX centuries]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya. 59: 79-90. [in Russian]

Bychkova, 2009 – *Bychkova, V.M.* (2009). Nekotorye momenty iz istorii prepodavaniya Zakona Bozhiya v Rossii [Some moments from the history of teaching the Law of God in Russia]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya. 1(12): 7-20. [in Russian]

Ermoshin, 2017 – *Ermoshin, A.V.* (2017). Zakon Bozhii v dorevolyutsionnoi svetskoi shkole: religioznoe obuchenie v srednikh uchebnykh zavedeniyakh Kazanskogo uchebnogo okruga [The Law of God in the pre-revolutionary secular school: religious education in secondary schools of the Kazan educational district.]. Kazan', 420 p. [in Russian]

Ferapont (Kashin), 2019 – *Ferapont (Kashin)* (2019). Diskussiya 1917 goda o prepodavanii Zakona Bozhiya v shkolakh (po materialam Kostromskoi eparkhii) [Discussion of 1917 on the teaching of the Law of God in schools (based on materials from the Kostroma diocese)]. *Bogoslovskii vestnik*. 4(35): 152-166. [in Russian]

Filonov, 1859 – *Filonov, A.G.* (1859). Ocherki Dona [Don's essays]. СПб., 195 p. [in Russian]

Karavaev, 2020 – *Karavaev, E.V.* (2020). Tserkov' i obrazovanie: iz opyta prepodavaniya kursa "Osnovy pravoslavnoi kul'tury" v shkolakh Rossiiskoi Federatsii [Church and education: from the experience of teaching the course "Fundamentals of Orthodox Culture" in the schools of the Russian Federation]. *Trudy Belgorodskoi Pravoslavnoi Dukhovnoi seminarii (s missionerskoi napravlennoy)*. 10: 122-132. [in Russian]

Kirillov, 1905 – *Kirillov, A.A.* (1905). K istorii narodnogo obrazovaniya na Donu [To the history of public education on the Don]. *Sbornik Oblastnogo voiska Donskogo statisticheskogo komiteta*. Vyp. 5. Novocherkassk, 1905. Pp. 1-15. [in Russian]

Metlik, Potapovskaya, 2015 – *Metlik, I.V., Potapovskaya, O.M.* (2015). Problemy metodiki prepodavaniya pravoslavnoi kul'tury v shkole v aspekte gosudarstvenno-tserkovnykh otnoshenii [Problems of methods of teaching Orthodox culture at school in the aspect of state-church relations]. *Vestnik Pravoslavnogo Svyato-Tikhonovskogo gumanitarnogo universiteta*. Seriya 4: Pedagogika. Psikhologiya. 4(39): 29-49. [in Russian]

Mozgovi, 2006 – *Mozgovi, S.A.* (2006). «Osnovy pravoslavnoi kul'tury» v rossiiskoi svetskoi shkole: sotsial'no-pravovoi analiz [“Fundamentals of Orthodox Culture” in the Russian Secular School: Social and Legal Analysis]. *Voprosy obrazovaniya*. 4: 274-294. [in Russian]

Opredeleniya..., 1878 – *Opredeleniya uchenogo komiteta ministerstva narodnogo prosveshcheniya* [Definitions of the Scientific Committee of the Ministry of Public Education]. *Zhurnal Ministerstva narodnogo prosveshcheniya*. 1878. T. CXCVI. Pp. 15-48. [in Russian]

Ostrovskii, 1982 – *Ostrovskii, N.A.* (1982). Kak zakalyalas' stal' [How the steel was tempered]. Perm', 362 p. [in Russian]

Ozhiganova, 2012 – *Ozhiganova, A.A.* (2012). Uchebnye posobiya «Osnovy religioznoi kul'tury» s tochki zreniya polikul'turnoi kontseptsii obrazovaniya [Textbooks “Fundamentals of

religious culture” from the point of view of the multicultural concept of education]. *Problemy sovremennogo obrazovaniya*. 5: 109-126. [in Russian]

Pronina, 2017 – *Pronina, T.S.* (2017). “Osnovy pravoslavnoi kul'tury” v shkolakh Tambovskoi oblasti: uspekhi i problemy [“Fundamentals of Orthodox Culture” in Schools of the Tambov Region: Successes and Problems]. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom*. 4: 119-138. [in Russian]

Sokolov, 1914 – *Sokolov, D.P.* (1914). Nachal'noe nastavlenie v pravoslavnoi khristianskoi vere, sostavlennoe v ob"eme kursa nachal'nykh uchilishch i prigotovitel'nogo klassa srednikh uchebnykh zavedenii pridvornym protoiereem Dimitriem Sokolovym [Primary instruction in the Orthodox Christian faith, compiled in the scope of the course of elementary schools and the preparatory class of secondary educational institutions by the court archpriest Dimitry Sokolov]. SPb., 179 p. [in Russian]

Stepanov, 2019 – *Stepanov, A.F.* (2019). Otmena prepodavaniya Zakona Bozhiya v Kazanskom uchebnom okruge v 1918 g. [The abolition of the teaching of the Law of God in the Kazan educational district in 1918]. *Vestnik tserkovnoi istorii*. 1-2: 300-352. [in Russian]

Temnomerov, 1915 – *Temnomerov, A.M.* (1915). Metodika prepodavaniya zakona bozhiya [Methods of teaching the law of God]. SPb., 296 p. [in Russian]

Trofimov, 2019 – *Trofimov, I.A.* (2019). Istoriya prepodavaniya Zakona Bozhiya v srednikh kazennykh uchebnykh zavedeniyakh Rossiiskoi imperii [The History of Teaching the Law of God in Secondary State Educational Institutions of the Russian Empire]. *Aktual'nye voprosy tserkovnoi nauki*. 1: 167-170. [in Russian]

Tsirkulyar..., 1881a – *Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu* [Circular for the Kharkov educational district]. 1881. № 10. 40 p. [in Russian]

Tsirkulyar..., 1881b – *Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu* [Circular for the Kharkov educational district]. 1881. № 5. 62 p. [in Russian]

Tsirkulyar..., 1884 – *Tsirkulyar po Khar'kovskomu uchebnomu okrugu* [Circular for the Kharkov educational district]. 1884. № 9. 47 p. [in Russian]

Zhitenev, 2019 – *Zhitenev, T.E.* (2019). Vopros o prepodavanii Zakona Bozhiya kak uchebnogo predmeta v 1917–1918 gg. [The question of teaching the Law of God as an academic subject in 1917–1918]. *Povolzhskii vestnik nauki*. 2(12): 17-22. [in Russian]

Методика преподавания, основанная на религии: к вопросу о преподавании Закона Божьего в Российской империи

Артем Юрьевич Перетяtko^{a,*}

^aЧеркас глобальный университет, Вашингтон, США

Аннотация. Статья посвящена анализу специфической религиозной педагогики, возникшей в связи с преподаванием Закона Божьего в Российской империи. Автор приходит к выводу, что эту религиозную педагогику от педагогики светской отличал ряд особенностей, прежде всего:

а) составители программ и методисты апеллировали не к научным, а к трансцендентным факторам: в качестве доказательств правильности того или иного тезиса выступают ссылки на Священное Писание или постановления вселенских соборов;

б) обучение было направлено не на образование, и даже на не воспитание, а на миссионерскую деятельность, на формирование православного христианина.

Эти особенности носили не внешний, а сущностный характер: они ставили перед законоучителем задачи, в принципе не относящиеся к сфере светской педагогики. Так, предполагалось, что законоучитель будет так развивать/трансформировать личность ученика, что православная вера станет для него естественным и органичным выражением внутренней жизни (т.е. она будет рассматриваться самим учеником не как внешний образец,

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: artperetatko@yandex.ru (А.Ю. Перетяtko)

а как отражение его собственных духовных побуждений и желаний). Однако авторы программ и учебников, формулируя перед законоучителем такие задачи, не предлагали конкретных методов их решения. Методические рекомендации сводились преимущественно к тому, что урок может принимать форму «пастырской беседы», педагогу, ведущему Закон Божий, прежде всего нужно верить самому и т. д. В результате к началу XX в. преподавание Закона Божьего в основном велось архаично, и даже сами законоучители в некоторых случаях выступали за «сближение духовного обучения и воспитания с общей гуманитарной образовательной парадигмой».

Ключевые слова: история педагогики, методики преподавания, исторические педагогические воззрения, Закон Божий, православие, религиозные ценности.